

Тан Шуаньи был сбит с толку его вопросом, ведь он сам не видел на своих ногах никаких следов, кроме раны на колене.

Нахмурившись, Тан Шуаньи до того, как Чэнь Цзяньюэ успел что-то добавить, с силой оттолкнул его.

Неудачно: рука пришлась как раз на рану Чэнь Цзяньюэ.

— Ссс... — лицо Чэнь Цзяньюэ мгновенно побелело.

Тан Шуаньи часто заморгал густыми ресницами. Он выглядел растерянным, а на его ладонях еще алела кровь Чэнь Цзяньюэ.

— Прости, я...

Чэнь Цзяньюэ прижал ладонь к виску:

— Извини, это моя вина. Последние несколько дней я нахожусь в состоянии сильного нервного напряжения.

На самом деле это было не так, но ему нужно было как можно скорее покинуть этот данж. Здесь творилось что-то неладное: в данже третьего уровня не должно было гибнуть так много людей.

Раньше он не мог этого понять, но за последние два дня, по мере того как его психическое состояние ухудшалось, он начал смутно осознавать правила этого места.

Дело было не в том, что никто не мог найти способ выбраться, а в том, что, находясь в поисках, люди сами ассимилировались и превращались в местных монстров.

Тан Шуаньи и так чувствовал вину за то, что случайно задел рану, а теперь, услышав слова Чэнь Цзяньюэ, его совесть загрызла еще сильнее.

Он уже собирался что-то сказать, чтобы утешить его, как вдруг раздался стук в дверь. На пороге стояла Тан Шу с корзиной, в которой лежало четыре или пять яиц.

— Сестра? — Тан Шуаньи поднялся. Его взгляд блуждал, он заметно нервничал из-за того, что сегодня тайком убегал из дома.

К счастью, Тан Шу не заметила его тревоги. Она убрала прядь волос за ухо:

— Помоги сестре отнести яйца в дом на краю деревни, там живет твой зять.

Тан Шуаньи принял корзину из рук Тан Шу. Он слегка замешкался, словно хотел о чем-то спросить, но не знал, как начать.

— Ты хочешь о чем-то спросить?

Тан Шуаньи закусил губу. Он помнил о своей задаче в этом мире:

— Сестра... ты делаешь это добровольно?

В глазах Тан Шу промелькнуло нечто похожее на самоиронию и затаенную ненависть:

— Я ведь даже не видела его, о какой добровольности может идти речь?

— Иди скорее, а то скоро стемнеет, — она помогла Тан Шуаньи поправить вязаную шапку. — Вернись до темноты.

Тан Шуаньи с беспокойством взглянул на Чэнь Цзяньюэ. Тот нанес себе удар ножом довольно глубоко, а теперь он еще и задел его рану. Кровь продолжала сочиться.

К тому же он собирался расспросить Чэнь Цзяньюэ о Юй Цзяхэ и остальных. Хотя его собственная задача была простой и ему не требовалось помогать Чэнь Цзяньюэ выбраться, он уже узнал о преступлениях, скрытых под маской деревенского спокойствия, и его совесть не позволяла остаться в стороне.

Для него этот мир был лишь игровым данжем, но для тех, кто здесь жил, это была реальность.

Тан Шу очень чутко уловила взгляд Тан Шуаньи и слегка улыбнулась:

— Не волнуйся, я помогу ему обработать рану.

Там, где Тан Шуаньи не мог видеть, Тан Шу едва заметно сглотнула слюну.

От него исходил очень приятный запах.

— Иди быстрее, — сказал Чэнь Цзяньюэ. Встретившись взглядом с Тан Шу, он увидел в ее глазах неприкрытый голод и тихо добавил: — Тогда побеспокою вас, сестра.

Тан Шуаньи заметил, что, когда он выходит один, он не блуждает.

Дом у края деревни выглядел довольно солидно, двери были с двойными засовами. Тан Шуаньи постучал, и вскоре изнутри вышла иссохшая женщина.

Она выглядела неважно, страдала от сильного истощения, была худой, словно кожа, натянутая на скелет.

Тан Шуаньи, вспоминая информацию, полученную за последние дни, не мог не проникнуться к ней сочувствием.

— Зачем пришел? — взгляд женщины был мутным, она смотрела в одну точку.

Тан Шуаньи стало не по себе от ее взгляда, он робко произнес:

— Я пришел к хозяину дома.

— Кто там? — раздался из главной комнаты чистый мужской голос.

Женщина долго смотрела на Тан Шуаньи, словно пытаясь вспомнить, кто он такой. Наконец, она медленно проговорила:

— Младший сын из того дома на краю. — Она так и не вспомнила его имени.

В доме воцарилась тишина.

Глаза женщины на мгновение блеснули, она пристально посмотрела на Тан Шуаньи, будто кто-то чужой глядел на него через ее глаза.

Тан Шуаньи охватил необъяснимый холод, и внутренний голос призывал его немедленно уйти.

Дом выглядел ухоженным, но в нем царила давящая атмосфера, от которой было трудно дышать.

Женщина не стала ждать ответа из комнаты и повела Тан Шуаньи внутрь. Двигалась она медленно, словно к ее суставам были привязаны нити — дернешь, она сделает шаг.

— Зачем пришел? — Тан Ваншуй сидел на диване в главной комнате.

Дом Тан Ваншуя был значительно богаче остальных: здесь стоял большой цветной телевизор, был диван, в отличие от простых лачуг других жителей.

Неизвестно, была ли это наследственность, но большинство мужчин в деревне были тощими и низкорослыми, словно обтянутыми кожей скелетами.

<http://bllate.org/book/19177/1882785>